

Расписание Сяо Хэ на время ухода за Сяо Сю (по современному времени):

Восемь утра: подъем, будит Сяо Сю, кормит его завтраком.

С восьми до одиннадцати: свободное время, каждый занимается самосовершенствованием.

Около одиннадцати тридцати: совместное умывание, затем обед.

С двенадцати до тринадцати: дневной отдых, обнявшись на большой деревянной кровати.

С тринадцати до семнадцати: свободное время, самосовершенствование — ничего нового.

Семнадцать тридцать: умывание, ужин.

Восемнадцать часов: совместное купание. Внутренний монолог Сяо Хэ: когда он стесняется раздеваться и смотрит на меня своими слезящимися глазками... это просто милота до кровотечения из носа!

Девятнадцать часов: теплое общение и сказки на ночь.

Двадцать часов: время общения заканчивается, растущему ребенку пора спать. Снова объятия и сон на одной кровати.

Двадцать три часа: дождавшись, пока малыш Линь Сю крепко уснет, Сяо Хэ отправляется в свое пространство, чтобы продолжать возделывать землю и совершенствоваться.

Так прошло около полумесяца. Сяо Хэ чувствовал, что уже может считаться вполне сносным папашей — по крайней мере, сказки он рассказывал отлично, раз уж его Сяо Сю каждый раз просил добавки.

К тому времени раны Линь Сю почти затянулись, а главы всех пиков секты Цинчэн готовились к ежегодному полугодовому собранию.

В мире совершенствования время течет незаметно: обычное дело, когда адепт уходит в затворничество на годы или даже десятилетия. Для глав пиков и самого главы секты, чья продолжительность жизни составляет не менее трехсот лет, такие уединения — привычное дело. Если не происходит ничего важного, вроде всеобщего турнира, они видятся крайне редко.

Этот полугодовой сбор — традиция, отчет о делах секты за прошедшие полгода. Что-то вроде современного совещания. Воспользовавшись случаем, Сяо Хэ решил поднять вопрос о принятии личного ученика — как-никак, речь шла о будущем преемнике пика Цинсюй.

Пик Цзысюй, кабинет главы секты.

В воздухе вились тонкие струйки благовоний, среди которых чинно восседали главы всех пиков и сам глава секты.

На почетном месте, величественно выпрямившись, сидел человек с черными волосами, бледным лицом, безбородый и суровый — Сюй Цзинь, нынешний глава секты Цинчэн.

Его каменное лицо действительно излучало авторитет лидера.

Когда настала очередь Гу Нина, главы пика Чэньсуй, чью массу тела можно было измерять тоннами, отчитываться о расходе духовных камней, зверей и трав за полгода — кстати, удивительно, ведь в мире совершенствования большинство людей — писанные красавцы, встретить такого тучного человека — редкость. Сяо Хэ невольно заподозрил, что столь внушительные габариты Гу Нина связаны с тем, что в тыловом обеспечении можно неплохо пожить.

Как только Гу Нин закончил, Сяо Хэ, до этого хранивший молчание и сохранявший вид благородного и холодного человека (на самом деле он просто нервничал), подал голос:

— Я выбрал себе личного ученика. Планирую в ближайшее время выбрать удачный день, внести его имя в нефритовую табличку секты и объявить об этом миру. Если у вас будет время, приглашаю стать свидетелями церемонии.

Тон его не терпел возражений, словно решение уже было принято и обсуждать его никто не собирался.

Атмосфера, разрядившаяся было после забавного отчета Гу Нина, мгновенно стихла.

Е Пинтин, глава пика Юйсуй, первой нарушила молчание:

— Младший брат Сяо, тебе ведь всего лишь чуть больше тридцати, ты не из тех, кто совершает опрометчивые поступки. Зачем так спешить с выбором ученика? Может, стоит еще присмотреться?

Сяо Хэ даже не взглянул на красивую женщину средних лет в зеленом одеянии. Он лишь склонил голову, сдул с поверхности чашки зеленые чаинки и отпил немного превосходного духовного чая:

— Мое решение окончательно.

Сяо Хэ вовсе не пытался примерить на себя образ властного и крутого президента, просто лишние слова вели к лишним ошибкам, да и оригинал всегда был таким холодным и высокомерным, а Сяо Хэ лишь довел этот стиль до абсолюта.

К счастью, Е Пинтин была мягкой по натуре и обладала хорошим воспитанием. Вероятно, она привыкла к такому поведению, поэтому не стала спорить, а лишь тихо вздохнула, поправила нефритовую заколку в волосах и замолчала.

Она-то стерпела, а вот кое-кто другой — нет.

— Почему у тебя такой скверный характер? Все здесь желают тебе добра, неужели нельзя нормально разговаривать? Обязательно нужно всем портить настроение! — это был глава пика Сюаньсуй Хуа Цан, с которым у оригинала были натянутые отношения.

Будучи главами пиков, они имели равный статус, оба находились на средней стадии Золотого ядра, один занимался артефактами, другой — алхимией, оба были техническими специалистами секты. Но вот характеры у них были противоположные.

Оригинальный Сяо Хэ был холоден, как цветок на вершине горы, и не любил пустых разговоров. Хуа Цан же, напротив, был невероятно общительным, что в мире совершенствования, где чувства часто притуплены, было диковинкой. И надо же было такому случиться, что они невзлюбили друг друга. При каждой встрече они препирались, словно дети в детском саду.

Сяо Хэ, видя его запальчивость, не ответил. Он продолжал сидеть с ледяным видом, невозмутимо попивая чай, чем окончательно вывел Хуа Цана из себя.

Такой типаж в романах обычно называют цундере. В глазах Сяо Хэ промелькнул озорной огонек.

— Довольно, — Сюй Цзинь, как старший и самый авторитетный в этом кругу, решил вмешаться: — Раз младший брат Сяо решил, пусть так и будет. Я обязательно приду и поддержу тебя на церемонии. Но есть одно дело, в котором мне понадобится твоя помощь.

Сяо Хэ перевел взгляд на главу секты. Сюй Цзинь медленно произнес:

— Помимо тех, кого все видят, в нашей секте есть несколько глубоко совершенствующихся старейшин. Вы об этом знаете. У одного из них, находящегося на стадии Зарождения души, обострилась старая рана. Ему нужна пилюля четвертого ранга — Пилюля Хуньюань. А единственный алхимик четвертого ранга у нас — это ты, младший брат Сяо.

Видя, что Сяо Хэ по-прежнему невозмутим, Сюй Цзинь добавил:

— Разумеется, расходы на материалы берет на себя секта. Рецепт вот. Младший брат Гу, проводи потом младшего брата Сяо к себе, покажите ему запасы. Если чего-то не хватит, поищите в аптеках у подножия горы или на аукционах, все расходы будут покрыты. Надеюсь на вас обоих.

Гу Нин тут же расплылся в улыбке:

— Никаких проблем, это наш долг перед сектой. Старейшина на стадии Зарождения души крайне важен для нас.

Сяо Хэ помнил об этих старейшинах — они доставили немало хлопот, когда Линь Сю вернулся, чтобы отомстить секте.

Но теперь, будучи частью секты и пользуясь ее ресурсами, а также желая получить одобрение главы на принятие Сю в ученики, он был вынужден согласиться. Поразмыслив, Сяо Хэ слегка кивнул.

Сюй Цзинь довольно улыбнулся:

— Вот и славно. Кстати, на когда назначена церемония?

— На восемнадцатое число этого месяца. День благоприятный, — ответил Сяо Хэ все тем же бесстрастным тоном, однако в голосе при упоминании ученика чувствовалась мягкость. Значит, этот ученик для него действительно много значит, подумали присутствующие.

Оставшееся время ушло на обсуждение текущих дел. Когда Сюй Цзинь подвел итог и все уже собирались расходиться, из угла раздался холодный, как лезвие, голос:

— Имя?

Это был глава пика Чунсюй Лу Кэ, который до этого момента не произнес ни слова.

Холод — вот первое, что почувствовал Сяо Хэ. В отличие от его собственного отстраненного холода, холод Лу Кэ был пропитан убийственной аурой, способной ранить всё живое, — это был агрессивный, атакующий холод.

Вероятно, это было связано с его путем совершенствования: Лу Кэ был известен как сильнейший фехтовальщик в мире, сражающийся в одиночку.

Сейчас он был в белом, длинные черные волосы небрежно перехвачены белой лентой, лицо застыло в ледяной маске — вылитый странствующий рыцарь из романов Гу Луна.

Несправедливо! Сяо Хэ мысленно посетовал: почему он выглядит как воплощение элегантности в белом, а я — в этом фиолетовом наряде?

Мой пафос мгновенно померк! Как же теперь наслаждаться своим величием!

Хотя мысли Сяо Хэ были бурными, все это произошло за одно мгновение.

— Линь Сю, — ответил Сяо Хэ.

— Хорошо.

Эй... парень, ты что, умрешь, если скажешь больше трех слов? Эта привычка строить из себя невозмутимого — болезнь, ее надо лечить!

Сяо Хэ, продолжая поддерживать образ высокомерного аристократа, мысленно закатывал глаза, глядя на остальных, которые, похоже, привыкли к такому поведению Лу Кэ.

Да уж, видимо, в мире совершенствования этого добра навалом.

Ладно, забудем лицо этого позера. Пора возвращаться и рассказать обо всем моему Сяо Сю. Интересно, скучал ли он по мне?

Наш домосед, внутри которого бурлили розовые пузырьки нежности, отправился домой. Или полетел? Неважно, не будем вдаваться в детали.

<http://bllate.org/book/19689/1936686>